

В его обычно спокойных глазах внезапно вспыхнула тревога, и он посмотрел туда, где находилась Байли Нинцин, в его взгляде внезапно проступило беспокойство.

Он прожил очень долго, настолько долго, что уже не помнил, когда всё началось. Изначально он был простым зелёным бамбуком на горе Чжаояо, тысячи лет назад благодаря удачному стечению обстоятельств обрёл сознание, но ещё до этого он пережил бесчисленные циклы весен и осеней.

Пережив все радости и горести человеческой жизни, он однажды почувствовал, что жить невероятно скучно, пока в его бамбуковую рощу случайно не ворвалась яркая краска.

С тех пор все его расчёты и предсказания касались только неё.

Он не ожидал, что Мо Чэньсян придёт, но и не был сильно удивлён.

Проходных знаков было всего два, они были сделаны из бамбуковых планок, взятых из его собственного тела. Эти знаки не только позволяли беспрепятственно проходить через его бамбуковую рощу, защищённую барьером, но даже могли указывать его местоположение на расстоянии в десятки тысяч ли.

Это должно было быть невероятно ценным предметом, который любой бережно хранил бы, даже не упоминая о его существовании другим. Но когда этот знак оказался в руках Мо Чэньсян, Чжу Маолинь ничуть не удивился.

— В конце концов, это была та самая личность, и любые её невероятные поступки не вызывали удивления.

Чжу Маолинь любил тишину, заклинания на проходном знаке могли защитить только одного человека, поэтому даже если знак попадал в чужие руки, это не представляло угрозы. Даже если кто-то с более высокой силой, чем у него, использовал знак для проникновения, это лишь позволяло ему пройти. Даже если кто-то попытался бы прорваться внутрь, используя два знака, мгновенно образовавшаяся брешь сразу бы затянулась, и посторонние не смогли бы войти.

Ещё до того как Байли Нинцин заметила незваного гостя, он уже обнаружил его. Однако, поскольку сила противника была недостаточной, чтобы навредить Байли Нинцин, он продолжил спокойно пить чай в доме.

Обнаружив, что это Мо Чэньсян, он даже позволил себе пару шуток, но после того как он бросил взгляд на предсказание, на его спокойном лице не осталось и следа улыбки.

Байли Нинцин любила сражаться с людьми и ненавидела, когда он вмешивался, поэтому в таких ситуациях он обычно просто наблюдал со стороны. На этот раз, столкнувшись с неблагоприятным предзнаменованием, он не был уверен, была ли это ошибка в расчётах, и, не желая портить ей настроение, после долгих раздумий решил не выходить, а выпустил нить духовной силы на случай непредвиденных обстоятельств.

Раздался звук взмахов крыльев, и тёмная тень стрелой влетела в дом, затем резко остановилась. Это был чёрный сапсан с маленькой зелёной бамбуковой табличкой на шее.

Это был духовный питомец Лу Линя, которого он привёз с вершины горы Кунью. Его звали Цичжэ, и он был быстр как молния. Раньше они общались через духовных фениксов, созданных из духовной силы, но Цичжэ был физическим существом, и хотя его скорость намного превышала скорость фениксов, для входа ему требовался этот знак, что было неудобно.

Поэтому Лу Линь вызывал его только в экстренных случаях.

Остановившись, он выплюнул нефритовую табличку. Чжу Маолинь взял её, и голос Лу Линя тут же проник в его Духовное море:

— Одиннадцатого июня Юй Юань будет передавать учение на горе Хэсю. Все, чья сила достигла уровня Преобразования духа, независимо от их принадлежности, получили приглашения. Тринадцать крупнейших сект также приглашены. Я уже покинул Кунью. Перед отъездом я сделал предсказание, и оно показало неблагоприятный знак. Будьте осторожны, господин. Если со мной что-то случится, я доверяю заботу о городе Кунью вам.

Даже прося о помощи, он говорил тем же холодным тоном, что и всегда, как и подобало характеру Лу Линя.

Одиннадцатого июня, ещё месяц впереди.

Чжу Маолинь смотрел на хмурое небо, и беспокойство в его глазах становилось всё глубже.

Даже Юй Юань начала действовать. Видимо, скоро грядут перемены.

Услышав вопрос Байли Нинцин, в глазах Мо Чэньсян мелькнула печаль, но она быстро исчезла. Собравшись с духом, она громко сказала:

— Я пришла по поручению старшего Му Даньсиня из секты Тяньи, чтобы попросить у двух старших одного человека.

Му Даньсинь из секты Тяньи мог искать только Чан Ли.

Байли Нинцин сразу поняла, но тут же возникли другие вопросы.

Даже если Чжун Минчжу сразу после ухода отправилась бы на гору Уцюань, чтобы сообщить о случившемся, потребовался бы как минимум месяц, чтобы новость достигла трёх старших секты Тяньи. Почему они узнали об этом так быстро и даже попросили Мо Чэньсян передать сообщение?

— Более того, она знала, что Чжун Минчжу отправилась в Цзяою и у неё не было времени передать сообщение в секту.

Что же произошло...

Она начала размышлять о возможных вариантах, внешне притворившись непонимающей:

— Кого он ищет?

Дворец Семи Высших Таинств и секта Тяньи принадлежали к одному лагерю, но за пределами этого между ними не было никаких связей. На самом деле, насколько она знала, отношения между двумя сектами нельзя было назвать даже дружественными. Секта Тяньи славилась своей праведностью и всегда презирала скрытые удары, даже в борьбе с представителями зла они стремились к «честности и открытости». Хотя Байли Нинцин враждовала с У Хуэем, она была справедливой и не переносила свою вражду на всю секту. В целом она уважала секту Тяньи, иначе не стала бы помогать Юнь И, когда тот попал в беду. Дворец Семи Высших Таинств был другим. Она до сих пор помнила, как много лет назад Дворец Семи Высших Таинств вместе с несколькими другими праведными сектами без предупреждения напали на

Кунью. Тогда учитель Мо Чэньсян, Ду Сюаньцзэ из Врат Пяти Духов, пригласил секту Тяньи, но Му Даньсинь отказался.

Позже, когда секта Тяньи подверглась нападению Лу Линя, некоторые представители других сект втайне насмеялись над Му Даньсином, говоря, что он тогда поступил неразумно. Му Даньсинь ответил лишь четырьмя словами: «Праведность и самодисциплина».

С её точки зрения, даже если секта Тяньи узнала о том, что Чан Ли была похищена, им не было смысла обращаться к Мо Чэньсян.

Однако Мо Чэньсян, похоже, увидела её притворство и сказала:

— Я знаю, что бессмертная Чан Ли находится здесь, прошу старшего не затруднять меня.

— Кто тебе это сказал?

— Если честно, на пути в Цзяояо я случайно встретила ученицу бессмертной Чан Ли. Она хотела вернуться в секту, чтобы сообщить о случившемся, и я посоветовала ей отправиться в Цзяояо.

Упомянув Чжун Минчжу, Мо Чэньсян внимательно наблюдала за выражением лица Байли Нинцин, словно пытаясь что-то разглядеть.

— Мы были знакомы, и я думала, что вы не станете затруднять бессмертную Чан Ли. Я не хотела вмешиваться, но затем получила поручение от учителя, поэтому осмелилась побеспокоить. Старший Му Даньсинь беспокоится о бессмертной Чан Ли, прошу вас отпустить её.

— Ты встретила её ученицу...

Удивление мелькнуло в глазах Байли Нинцин, но она быстро скрыла его, сохраняя на лице лишь холодную улыбку.

— Какое совпадение.

— Она...

Мо Чэньсян хотела что-то добавить, но её голос перекрыл внезапно возвысившийся голос Байли Нинцин.

— Мо Чэньсян, если бы ты не упомянула своего бессмертного учителя, я бы ещё терпела, но теперь у меня просто поднимается гнев. Ты что, его собака? Куда он скажет, туда и идёшь?

Она засмеялась, но в её голосе звучала ярость, духовная сила, исходящая от её копья, медленно распространялась вокруг.

— Я скажу тебе прямо, Чан Ли здесь, но я не отдам её тебе. Я терпеть не могу предателей из Дворца Семи Высших Таинств. Пусть Му Даньсинь сам придет за своей племянницей. Если он придёт, я, возможно, подумаю.

Её слова были резкими, но каждая из них была правдой, словно острый нож, вновь ранивший незажившую рану.

Мо Чэньсян невольно отступила назад, под маской её губы изогнулись в горькой улыбке.

Несмотря на то что она уже достигла уровня Преобразования духа, она чувствовала, что задыхается, почти теряя сознание.

Сотни лет назад, под холодным взглядом того человека, она могла стиснуть зубы и убедить себя, что это было вынужденной мерой. Но с течением времени в её сердце осталась только бесконечная горечь сожаления.

— Я передам это старшему Му Даньсиню.

Она могла только смириться с упрёками Байли Нинцин.

Собираясь уйти, она услышала, как её окликнули.

— Подожди!

Байли Нинцин всё ещё указывала на неё копьём, её голос звучал с насмешливой резкостью.

— Оставь проходной знак. Раз уж ты порвала с ней, разве он не должен вернуться к законному владельцу?

— Верно.

Мо Чэньсян согласилась, и маленькая бамбуковая табличка вылетела из её рукава, оказавшись в руках Байли Нинцин.

Байли Нинцин осмотрела табличку, убедившись, что на ней не было никаких следов манипуляций, и без церемоний махнула рукой, явно выражая своё нетерпение:

— Ладно, можешь убираться.

Однако, произнеся это, она заметила, что Мо Чэньсян всё ещё стоит на месте, опустив глаза и, видимо, о чём-то размышляя. Она уже собиралась снова подгонять её, но услышала, как Мо Чэньсян снова заговорила:

— Она... как она?

Её голос был тихим и дрожал, словно она умоляла.

— Разве в ваших праведных сектах уже не разнесли слух? Я думала, все уже знают, что она умерла.

Байли Нинцин всё ещё говорила с раздражением.

— Она не умерла!

Мо Чэньсян, словно уколота, резко возразила.

— Её Лампа души ещё не погасла, но почему-то стала тусклее. Я... можете не верить, но я беспокоюсь о ней.

Последние слова она произнесла почти шёпотом, словно угасающий огонь свечи.